

● Анатолий Иванов.
 «Вечный зов». Роман. Журнал «Москва», №№ 4—7, 1970.

● Николай Атаров.
 «...А я люблю лошадей». Повесть. Журнал «Юность», № 1, 1970.

ЧИТАЯ

«Ракетчики». Гравюра С. Антонова (журнал «Дружба народов»).

«Белая ночь». Гравюра А. Ушина (журнал «Аэро-ра»).

В ОБШИРНОМ прологе первой книги романа Анатолия Иванова «Вечный зов» завязываются тугие узлы нескольких сюжетов. Драмы, драмы... Драм здесь хватает. Пружина стягивает годы и людей от начала века до разгара гражданской войны в Сибири. За это время тюремный надзиратель Косоротов осуществил свою мечту, выслужился жестокостью, получил должность в Александровском центре: Следователь Лахновский склонил к предательству Петра Полипова, пользовавшегося доверием социалистов. Позже, после революции, оба они смогут скрыть концы в воду, замаскироваться, особенно Полипов. Двойник его — Свиридов — в период контрреволюционного чехословацкого мятежа в Сибири будет измываться над большевиками в белой контрразведке, однако распад личности приведет его к самоубийству.

А пружина стягивается все туже. В гражданскую войну богатырь Кафтанов возглавит банду карателей. Между тем дочь его Анна окажется среди партизан, прежде всего из-за любви к Федору Савельеву, бедняцкому сыну. Но любовь сделала соперниками братьев Савельевых — Федора и Ивана. Иван стал «коноводом, кучером, телохранителем» бандитского главаря. Но когда каратели поймали Анну и родной отец в лютости надругался над ней, Иван успел застрелить Кафтанова. Спас Анну. Но стала она женой Федора.

Еще одна линия особо выделяется в прологе. Старший сын Савельевых Антон подростком отправился в город, нашел дорогу к большевикам, участвовал в революционных схватках 1905 года, не раз сидел в тюрьмах, совершал побег. Тогда завязалась его крепкая дружба с ленинцем Субботиным. И длится она всю жизнь. Субботин стал секретарем обкома

партии, Антон Савельев — директором завода.

Говоря о прологе, этом ступке событий, конфликтов, судеб людских, мы уже частично вышли за пределы его. Потому что так построен роман: действие его доходит до середины 1942 года, однако часто возвращается назад, к разбору былого. Время движется, время и оценивает. В основном это роман-хроника, но привычный жанр, широко представленный в современной литературе, применен автором не шаблонно. Воспоминания разных персонажей о минувшем не являются формальной ломкой сюжета, а направлены на углубленное, более многомерное понимание прошлого и настоящего. Воспоминания здесь выступают как ответы на вопросы: каковы истоки характеров, убежденных и запутанных, изломанных; и шире — зачем живет человек, в чем смысл его жизни?

В ОБЩЕМ разбор, можно сказать, двойное видение событий, прежде всего ключевых, призван внешне и внутренне досконально выявить мотивы действий, «биографию душ». Анализ скрытого, неочевидного, внедрение в сложности духовные... Способ двойного видения здесь тем более оправдан, что события взяты на большой исторической дистанции — перед нами проходит почти сорок лет, сменяются три поколения в семьях Савельевых, Инютиных, Назаровых, Кафтановых, породивших резко противоположных людей.

В бурном и пестром потоке жизни автор высвечивает не просто внешний облик событий, а идейные и психологические закономерности их. Это придает плотность, многосторонность хронике долгих лет. Слово закономерности стоит подчеркнуть. Его не очень-то жаждут любители натуральных съемок, осколочных впечатлений. Но ведь никакая поток без закономерностей не обходится, а

они видней всего проступают в характерах человеческих.

Нацеливая свое внимание на «биографию душ», автор, естественно, выделяет таких подлинных героев жизни, людей твердой волюционной закалки и высокой принципиальности как Антон Савельев, прошлым партизанский и мандир, затем секретарь райкома партии Подлика Кружилина, Иван Субботин партизан, председатель колхоза Панкрат Назаров. Море жизни оказалось для

ИСТОРИЯ ИСТОРИЯ

них действительно бурным. Волнения этого моря захватили их в начале века. Здесь начинаются героические пути этих людей. Именно в их биографиях особенно ощутимо, что социалистическая революция обновляет человечество, делает реальными самые высокие нравственные идеалы. Закономерно, что в речи честнейшего человека Поликарпа Кружилина звучит мысль о вечном зове жизни, о том, как надо задумываться «над сутью и смыслом бытия».

В устах Кружилина эти слова не декларативны, так как прочно обеспечены смыслом прожитой им жизни. Субботин, Антон Савельев, Кружилин, Панкрат Назаров несут людям свет. Их принципы перенимают другие.

Свет этот активен, и борется он с тьмой весьма реальной. Важен он и для уяснения характеров тех, у кого «все перепуталось».

Тут автор вступает в исследование иных закономерностей — глубоко скры-

КУРНАЛЫ

● Иван Шухов: «Колокол». Повесть. Журнал «Простор», № 1, 1970.

ных, внутренне болезненных, разьедающих душу, уродующих личность. В прежних своих произведениях, особенно в романе «Повитель», А. Иванов уже обращался к губительной власти собственничества. Здесь эта тема продолжена в ином ключе, в драматической истории вражды братьев Ивана и Федора Савельевых. Всякая речь о них непременно сопровождается мотивами — «коловерть», «каруселя-армоника», «все перепуталось, все вышло наоборот».

ДВИЖЕТСЯ,
ОЦЕНИВАЕТ

Ничто не проходит без последствий, итогов, выводов. Только далек и труден бывает к ним путь. Однако рано или поздно все обнажается, все получает свое объяснение. Как говорит один из героев книги, жизнь справедливость любит.

Больше всего, сложней всего «перепуталось» у братьев. Оба они прошли через руки лавочника Кафтанова... А стала между братьями Анна. Оба любил ее, да по-разному.

Почему же случилось так, что красный партизан Федор постепенно оказался в жизни выхолощенным, а запутавшийся Иван выпрямляется? Трудно передать все подробности, детали этой долгой истории, а важны прежде всего они — тайное тайных, невидимые уголки души, которые как раз просвечиваются способом двойного зренья. В Федоре автор подчеркивает корысть, зависть к кафтановскому богатству, жадность обладать им. Этот исток характера испортил, изломал потом всю жизнь бедняцкого сына.

История вражды братьев во многом самостоятельна в романе. И все же именно здесь, в этой наиболее сложной сюжетной линии, прием воспоминаний, разборов прошлого, просвечивания эпизодов и лиц двойным зрением в полной мере не использован, применен выборочно, с пробелами. Поэтому остаются в тени важные психологические и логические звенья. Что касается Федора, то он весь как под рентгеном. Все тайные движения его души выявлены, и сколько бы он ни совершал отважных поступков, они не перевешивают обвинений его в корыстности. Прятал брата Антона после побега того из тюрьмы, принял мучки от Инютина и жандармов, но не выдал... Объективно, по сути самих фактов, ярко написанных эпизодов все это вызывает симпатию к Федору. А отношение к нему автора все жестче. Иван же постепенно становится добрее...

Но странно: прошлое Ивана осталось во многом не освещенным, не разобраным. Почему он оказался на службе у Кафтанова, как служил, что испытывал при виде гульбищ на Огневской заимке? Каковы же мотивы его поступков, тем более в таких трагических обстоятельствах, когда каратели повесили его отца, свели в могилу мать, а Кафтанов сек брата? Трудно найти ответы на эти вопросы, потому что их нет в романе. Объяснение в общем одно — запутался. По сути дела, при обрисовке братьев автор ставит их в неравное положение, опустив мотивировки поведения Ивана в самые роковые часы... И потому снижается доверие к будущему перерождению Ивана: мы не знаем доподлинно истоков его характера в такой же степени, как у Федора.

Видимо, автор еще раз задумается над этими странностями своего многогранного романа.

Кстати, пробелы в мотивировках осуждений и при обрисовке некоторых дру-

гих персонажей. Например, Юрия, сына Антона.

Хотелось бы видеть большую полноту в изображении Петра Полипова, неразоружившегося врага. Впрочем, те или иные пожелания еще рано высказывать, так как перед нами только первая книга романа.

Автор выразительно создает сцены, в которых преобладают действия, напряженные моменты. Однако язык романа неровен, приближен к разговорному, когда передаются психологические оттенки в переживаниях персонажей. Чтобы сделать страсти «нагляднее», автор не всегда точно «материализует» их. И тогда появляются слова, фразы, метафоры, чуждые стилю романа: «С последними каплями слез из ее души вылилось все, что там еще осталось...» Мы встретим не только «ключиче искорки в глазах», но и целое нагромождение из тумана и сурел: «Глаза ей застлал плотный туман, пронизываемый желтыми стрелами». Далее: «А мысли, пронсящиеся в голове, были как раскаленные угольки, из которых во все стороны хлещут синеватые струйки пламени».

Все это неорганично, случайно в книге, в которой привлекают живые диалоги и колорит сибирской речи. Стоит освободить роман от подобных стилистических неровностей и пустот...

Итак, драмы, драмы. Интересно было бы говорить и о других сюжетных линиях, но этот разговор впереди...

Почти сорок лет стоят, нет, точнее, движутся перед взором читателя очень разные люди, втянутые в водоворот классовой борьбы, в жизнь стремительную, изменяющуюся.

Роман, начатый с далеких лет, показывает, как революция изменила нравственный климат современности и свет ее традиций действует, несет убеждение — жизнь справедливость любит.

Виктор ПАНКОВ